
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ ОБ АДРЕСЕ МОСКОВСКОГО ДВОРЯНСТВА 1865 Г.: К ВОПРОСУ О ДВОРЯНСКОЙ ОППОЗИЦИОННОСТИ «ВЕЛИКИМ РЕФОРМАМ»

В.Е. Воронин

Кафедра истории России
Московский педагогический государственный университет
пр. Вернадского, 88, Москва, Россия, 117571

В статье идет речь о крупном оппозиционном общественном выступлении «эпохи Великих реформ» — адресе московского дворянства 1865 г. и о реакции на него со стороны как верховной власти, так и великого князя Константина Николаевича, который являлся лидером умеренно-либерального крыла правительственного лагеря. Дискуссия вокруг адреса московского дворянства способствовала политическому размежеванию различных общественных сил и выработке новых проектов создания народного представительства.

Ключевые слова: «Эпоха Великих реформ», адрес московского дворянства, умеренно-либеральное направление, народное представительство, либеральные реформы, отмена крепостного права.

Общественно-политическая деятельность дворянских кругов России в конце 50-х — первой половине 60-х гг. XIX в. — в канун отмены крепостного права и в первые годы проведения Крестьянской реформы — неоднократно становилась предметом научных исследований. Ряд важных аспектов оппозиционных выступлений дворянства затрагивался в работах П.А. Зайончковского, Л.Г. Захаровой, В.Г. Чернухи, И.А. Христофорова и других историков (1). Вместе с тем восприятие дворянских политических выступлений представителями умеренно-либерального крыла правительственного лагеря требует отдельного рассмотрения.

Известный адрес московского дворянства 1865 г. появился в условиях нараставшего недовольства дворянского общественного мнения внутривластным курсом правительства. Последовавшее в самом начале 1865 г. назначение вел. кн. Константина Николаевича — брата императора Александра II и убежденного защитника гражданских и поземельных прав крестьян — председателем Государственного совета было истолковано многими в столичных общественных сферах как решимость верховной власти усилить «антидворянское направление». Получили распространение и толки о намерении правительства распространить на великорусские губернии обязательный выкуп и другие стеснительные для дворянства начала аграрных преобразований, которые уже использовались в отношении польских землевладельцев-дворян в Северо-Западном крае. Говорилось о том, что «обязательный выкуп и поверочные комиссии, которые в Виленском генерал-губернаторстве уменьшили повинность крестьян и увеличили их поземельный надел, будет введен во все русские губернии» (2). В конце концов, этот «слух» был «официально» опровергнут газетой Министерства внутренних дел «Северная почта». Но эта реакция властей запоздала.

11 января 1865 г. на заседании Московского губернского дворянского собрания 270 голосами против 36 был одобрен адрес «на высочайшее имя», содержащий политические требования к верховной власти. Инициатором адреса выступил граф В.П. Орлов-Давыдов. Ссылаясь на недавно учрежденное «земство», которому, «при полном его развитии, суждено навеки упрочить славу и крепость России», московское дворянство призывало государя «довершить государственное здание созванием общего собрания выборных людей от земли русской, для обсуждения нужд, общих всему государству». Однако наряду с всесловным собранием предлагался созыв и «второго собрания из представителей одного дворянского сословия» (3). Адрес московского дворянства очень быстро приобрел характер оппозиционного политического выступления всероссийской значимости. Содержание прений в Московском дворянском собрании было сообщено дворянству других губерний (4). Вслед за тем, 14 января, петербургская газета «Весть», нарушив цензурный запрет, опубликовала текст адреса и речь графа Орлова-Давыдова.

В тот же день вел. кн. Константин Николаевич получил крамольный номер «Вести». Он негодовал и желал скорейшего наказания организаторов адреса: «Подобного скандала еще никогда не бывало. Это превосходит всякое воображение... Тут встретил Сашу (Александра П. — В.В.), и говорил с ним про эту историю. Кажется, что на этот раз будут тверды, и не намерены шутить» (5). 15 января великий князь «призывал» к себе министра внутренних дел П.А. Валуева для разговора «про московскую историю». Валуев заверил царского брата в решимости обуздать московских дворян. «Слава Богу, будут тверды и шутить с огнем не будут», — так резюмировал Константин сказанное министром. Валуеву без труда удалось подобрать необходимую и самую беспристрастную юридическую мотивировку для решения последующей части Московского губернского дворянского собрания. Последнее подлежало роспуску «как незаконное, потому что оно, *до разрешения* закона, не допустило помещиков, у которых после выкупа осталось мене[е] 3 т[ысяч] десятин, и потому все его решения будут признаны за недействительные». Великий князь был в восторге: «Дай Бог, чтоб так продолжали» (6). Итак, Московское дворянское собрание подлежало закрытию и роспуску за противозаконное досрочное лишение избирательных прав помещиков, не соответствовавших измененным нормам ценза.

П.А. Валуев, со своей стороны, исполнял роль гонителя московских дворян без энтузиазма. С тех пор, как он в конце 1863 г. представил государю свой проект преобразования Государственного совета, предлагая пополнить его выборными лицами от земств, прошло немногим более года. Проект был отвергнут монархом. Адрес московского дворянства был близок министру внутренних дел по духу. Кроме того, Валуев отмечал также растерянность и разногласия, царившую в отношении «московского адреса» даже среди членов императорской фамилии. Он писал (19 января 1865 г.) «Странное время. Говорят, что в Мариинском дворце (7) мягко отзываются о московском адресе. В Мраморном (8) нет для него достаточно жестких выражений; в Зимнем сдержанный гнев; в Михайловском (9) разные попытки к добрым советам» (10).

Вел. кн. Константин Николаевич тогда ничего не знал о политическом проекте Валуева. Свою лепту в развенчание «московского адреса» он внес при деятельной поддержке министра внутренних дел. Великий князь предложил идею издания царского рескрипта на имя министра внутренних дел, в котором должна была прозвучать отповедь инициаторам адреса. 20 января он в очередной раз «призывал Валуева» и высказал ему «идею о рескрипте государя к нему по московской истории». При этом выяснилось, что министр внутренних дел «имеет именно ту же мысль». Константин искренне ликовал: «Очень рад, что так сошлись» (11). 21 января Александр II пожелал лично выслушать соображения брата по поводу предполагаемого рескрипта на имя министра внутренних дел. В полдень Константин вошел в кабинет государя. Предоставив брату возможность высказаться, царь одобрил его замысел. Великий князь писал: (21 января 1865 г.) «В 12 к Саше (Александру II. — *В.В.*). Он меня допустил в подробности развить ему мою мысль, как поступить теперь по московской истории и почему совершенно необходимо теперь рескрипт от него к мин[истру] вн[утренних] дел. Слушал меня очень внимательно и с большою доверенностию, моя мысль ему нравится и, кажется, что он ее принимает вполне. Я очень рад» (12). На следующий день Константин имел счастье убедиться в том, что монарх и в самом деле одобрил его замысел. Эту новость ему сообщил министр внутренних дел. После своего доклада у царя П.А. Валуев зашел к великому князю и сообщил, что «мысль» его «вполне принята». При этом он, правда, уточнил, что сначала от московского генерал-губернатора М.А. Офросимова должны быть получены «подробные донесения» (13).

К сожалению, дневниковые записи вел. кн. Константина Николаевича не раскрывают содержание того, что именно сказал монарху великий князь. Между тем у Константина были основания считать адрес политической демонстрацией, направленной лично против него. Ведь инициатива представления адреса принадлежала представителям высших слоев дворянства — столичной аристократии, противостоявшей великому князю в крестьянских делах. Антиконстантиновскую направленность адреса отчасти подтверждал А.В. Никитенко: «Некоторые открыто говорят, что ничего этого не случилось бы, если бы [великий] князь Константин не был назначен председателем Государственного совета». Правда, сам Никитенко не был склонен связывать появление адреса с одной отдельно взятой персоной, даже очень важной, а находил причину в действительном недовольстве, которое испытывали аристократические круги в отношении земства, где «народу даны права, равные с дворянством» (14). Но и в том и в другом случае «московский адрес» расценивался как оппозиционное выступление дворянской аристократии против либеральных реформ царствования Александра II.

Сущность взгляда вел. кн. Константина Николаевича на «московский адрес» раскрыта в дневнике адъютанта великого князя — А.А. Киреева, которому 21 января удалось вызвать своего патрона на откровенную политическую беседу («интересный разговор»). Киреев, по собственным словам, «подробно изложил положение дела, говорил... о том, что оно может быть опасно». Константин по-своему

развил эти рассуждения адъютанта: «Конечно, если правительство не примет никаких мер». Киреев не согласился с патроном, указав на стремление авторов адреса поднять свой авторитет в обществе с помощью тех правительственных гонений, которые должны были на них обрушиться: «Да они только того и желают, чтобы попасть в мученики». Он пояснил царскому брату простую причину, по которой московские дворяне отважились на выпуск своей фрондерской декларации, а именно: боязнь новых стеснительных мер в отношении помещиков великороссийских губерний после того, как крестьяне губерний западных были переведены на обязательный выкуп и получили более обширные наделы. «Одна из причин всеобщего неудовольствия состоит в ожидании ревизионных комиссий и обязательного выкупа», — сказал Киреев. «Что за идея!!» — радостно воскликнул Константин, давно желавший увеличения крестьянских наделов и скорейшего прекращения обязательных отношений крестьян с помещиками. Затем он продолжил свою мысль, которая сводилась к оценке адреса московского дворянства как новой демонстрации вчерашних крепостников, врагов крестьянской реформы. «Это движение, — говорил великий князь А.А. Кирееву, — произведено той же партией, которая тормозила преобразования 19-го февраля». Киреев попытался было стать на защиту авторов адреса, мягко опровергая его конституционный характер. Он, по собственным словам, «говорил о разнице, существующей между требованием конституции и... совещательной думы» и даже сослался на слова сторонников последней — на «мнение рязанского дворянства о том, что конституции они не желают». Но эти доводы Константин опроверг как человек, знающий цену лукавым политическим декларациям: «Это есть первый шаг к ней; с губернскими учреждениями не могут справиться, а требуют конституции; точно конституция может быть лекарством от всех зол...» (15).

Вел. кн. Константин Николаевич был удовлетворен ходом «московской истории». 25 января, представляя государю очередной доклад, он заметил, что царственный брат был с ним «особенно мил». Заговорив «про московское дело», Александр II сказал, что созывает «в четверг» (28 января) «келейное совещание», на которое пригласит его, а также П.А. Валуева, шефа жандармов кн. В.А. Долгорукова и председателя Комитета министров кн. П.П. Гагарина. Затем великий князь «сказал про это Валуеву и просил его приготовить проект рескрипта» (16). Неформальная роль премьер-министра, опирающегося на доверие монарха и раздающего поручения министрам, нравилась царскому брату.

28 января, в полдень, в Зимнем дворце началось совещание государя с рядом высших сановников «по московской истории». Круг приглашенных был расширен по сравнению с тем перечнем лиц, которых царь назвал брату 25-го числа. На «конференцию» были также вызваны министр иностранных дел кн. А.М. Горчаков и государственный секретарь кн. С.Н. Урусов. Итог совещания был, по сути, известен заранее, так как монарх имел готовое решение. Оспорить царскую волю безуспешно пытался лишь кн. Гагарин. Проект рескрипта, составленный Валуевым, был, в основном, одобрен. Вел. кн. Константин Николаевич писал: (28 января 1865 г.) «Все шло хорошо и согласно, потому что не-

обходимость голоса государя так ясна и очевидна. Один Гагарин пробовал протестовать и предлагал один только голос Сената, что было бы совершенно недостаточно. Прочитали и проект рескрипта, который с небольшими переменами будет очень хорош» (17).

Рескрипт государя императора на имя министра внутренних дел вышел 1 февраля 1865 г. Он являлся выговором Московскому губернскому дворянскому собранию. В документе содержалось напоминание о том, что законодательная инициатива, в том числе в проведении реформ, по-прежнему остается лишь в руках монарха. Главная вина дворянства усматривалась в его попытках выступать от имени всего общества: «Ни одно сословие не имеет права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя передо мной ходатайство об общих пользах и нуждах государства». Александр II объявлял о своем непреклонном намерении продолжить реформы «разных отраслей государственного устройства» (18). Наконец, выговор, сделанный дворянству за попытку «говорить именем других сословий», и напоминание о «собраниях земских» косвенно указывали на всесословные (или бессословные) начала будущего политического строя. По своей форме рескрипт отчасти походил на декларативное изложение программы правительственной деятельности. Эта программа носила либеральный, но крайне умеренный характер, отличалась лаконичностью и была лишена какой-либо конкретики, которая могла бы вызвать ожесточенные дискуссии уже в кругу высших сановников.

П.А. Валуев — автор «конституционного» проекта 1863 г. — исполнил монаршую волю всего лишь как служебную обязанность. Он с нескрываемым презрением наблюдал суетливые усилия властей, желавших заглушить голос оппозиционного общества и сохранить «отживающий механизм нашего государственного устройства»: «Напрасные старания. Волна поднялась среди моря и идет к берегу. Ее остановить нельзя, а можно только приготовить ей ложе» (19).

Осуждая «московский адрес», вел. кн. Константин Николаевич вместе с тем всячески проявлял свое участие и заинтересованность в успешном становлении земских учреждений. В конце февраля 1865 г. он разрешил своему адъютанту А.А. Кирееву баллотироваться в гласные Подольского уездного земства (Московской губ.). Тогда это было беспрецедентным шагом. Ведь баллотироваться предстояло гвардейскому офицеру и адъютанту царского брата. Великий князь напутствовал адъютанта пожеланием, чтобы тот избегал политических крайностей и сторонился как «крепостников», так и «конституционалистов». Он сказал: «...Смотри не увлекайся! Положение трудное. С обеих сторон дело не правое. С одной — ретрограды, крепостники; с другой — конституционалисты. Помни мундир, и будь осторожен!..» (20). В итоге Киреев стал гласным Подольского уездного и Московского губернского земских собраний.

Итак, дискуссия вокруг адреса московского дворянства 1865 г. способствовала политическому размежеванию различных общественных сил и стимулировала деятельность по выработке новых проектов создания народного представительства. Вел. кн. Константин Николаевич, негативно оценивший «московский адрес», в то же время всячески выражал поддержку развитию органов всесословного самоуправления — земских учреждений.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Зайончковский П.А.* Отмена крепостного права в России. — Изд. 3-е. — М., 1968; *Он же.* Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. — М., 1958; *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России: 1856—1861. — М., 1984; *Чернуха В.Г.* Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в. — Л., 1978; *Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х гг.). — М., 2002 и др.
- (2) *Головнин А.В.* — *Николаи А.П.* 12 января 1865 г. // РГИА. — Ф. 851 (Головнин А.В.). — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 108.
- (3) *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. — Кн. 1. — М., 1996. — С. 580.
- (4) Там же. — Л. 119.
- (5) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. — Ф. 722 (вел. кн. Константина Николаевича). — Оп. 1. — Д. 1156. — Л. 4—4 об.
- (6) Там же. — Л. 4 об. — 5.
- (7) Резиденция вел. кн. Марии Николаевны.
- (8) Резиденция вел. кн. Константина Николаевича.
- (9) Резиденция вел. кн. Елены Павловны.
- (10) Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. — М., 1961. — Т. 2. — С. 16.
- (11) Дневник вел. кн. Константина Николаевича // ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Д. 1156. — Л. 6.
- (12) Там же.
- (13) Там же. — Л. 7.
- (14) *Никитенко А.В.* Дневник. — М., 1955. — Т. 2. — С. 494.
- (15) ОР РГБ. — Ф. 126 (Киреевых и Новиковых). — Д. 2. — Л. 123—123 об.
- (16) ГА РФ. — Ф. 722. — Оп. 1. — Д. 1156. — Л. 8.
- (17) Там же. — Л. 8 об. — 9.
- (18) *Татищев С.С.* Император Александр II. — Кн. 1. — С. 580—581.
- (19) Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел. — Т. 2. — С. 15.
- (20) ОР РГБ. — Ф. 126. — Ед. хр. 2. — Л. 139.

**GRAND PRINCE KONSTANTIN NIKOLAYEVICH
ABOUT ADDRESS OF MOSCOW NOBILITY IN 1865:
THE QUESTION OF NOBILITY OPPOSITION
TO «GREAT REFORMS»**

V.E. Voronin

Department of Russian History
The Moscow State Pedagogical University
Vernadsky Av., 88, Moscow, Russia, 117571

The article is devoted to the large social oppositional statement of «Age of Great Reforms» — to address of Moscow nobility 1865 and to reaction to it from supremacy and Grand Prince Konstantin Nikolayevich. Grand Prince was a leader of moderate-liberal wing of governmental camp. Discussion around address of Moscow nobility promoted to political separation of different social forces and making new projects of people's representation.

Key words: «Age of Great Reforms», address of Moscow nobility, moderate-liberal wing, people's representation, liberal reforms, abolition of servitude.